

ИСТОРИЯ

УДК 94(57)

DOI: 10.18324/2224-1833-2020-1-81-89

Сельскохозяйственные коммуны Приенисейского региона в 20-е годы XX века

Л.Ю. Анисимова^a, М.Д. Северьянов^b

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, 82, Красноярск, Россия

^aseveryanova@mail.ru, ^bseveryanov-vanya@mail.ru

Статья поступила 27.02.2020, принята 10.03.2020

В статье анализируются сельскохозяйственные коммуны Приенисейского региона в 20-е гг. XX в., мотивы и основные причины их организации, социальный состав коммун, показано отношение единоличных крестьян к коммунам. Авторы на основе опубликованных и архивных документов исследуют различные аспекты функционирования сельскохозяйственных коммун в Приенисейском регионе в 1920-е гг. и приходят к выводу о том, что коммуны играли идеолого-политическую роль, но не определяли социально-экономический облик деревни в те годы.

Ключевые слова: коммуны; единоличные крестьяне; новая экономическая политика; обобществление быта; социальный состав коммун; уравнительное распределение; Енисейская губерния.

Agricultural communes of the Yenisei region in the 1920s of the XX century

L.Yu. Anisimova^a, M.D. Sever'yanov^b

Siberian Federal University; 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

^aseveryanova@mail.ru, ^bseveryanov-vanya@mail.ru

Received 27.02.2020, accepted 10.03.2020

The article analyzes the agricultural communes of the Yenisei region in the 1920s of the XX century, the motives and main reasons for their organization, the social composition of the communes. The attitude of individual peasants to the communes is shown. Based on published and archival documents, the authors examine various aspects of the functioning of agricultural communes in the Yenisei region in the 1920s and come to the conclusion that the communes played an ideological and political role, but did not determine the socio-economic appearance of the village in those years.

Keywords: communes; individual peasants; new economic policy; socialization of life; social composition of communes; balancing distribution; Yenisei province.

По оценкам зарубежных ученых, Россия входит в число передовых стран по исследованию аграрно-крестьянской проблематики [1]. История развития коллективных хозяйств в России остается в центре внимания отечественных и зарубежных ученых.

В 20-е гг. XX в. бурные дискуссии об аграрной политике большевистского правительства развернулись между основными научными школами — марксистами (В.П. Милютин, А.И. Гайстер и др.), представителями организационно-производственной школы (А.В. Чаянов, А.Н. Челинцев, А.А. Рыбников, Г.А. Студенский и др.), либеральными демократами. Наибольший интерес, на наш взгляд, вызывает позиция либеральных экономистов.

Российская аграрная проблематика либеральных экономистов была тесно связана с традиционной крестьянской общиной.

В то время как и народники, и либеральные экономисты (А.А. Кауфман, А.А. Мануйлов, М.И. Туган-Барановский) поддерживали крестьянскую общину (коммуну), убежденные противники марксизма и советского строя Л.Н. Литошенко и Б.Д. Бруцкус были одними из немногих либералов, кто подвергал ее систематической критике. Приверженцы рыночной идеологии (М. Рейтерн, Л.Н. Литошенко, Б.Д. Бруцкус), а также марксисты (П.И. Попов, И.И. Рубин), следующие антиутопическому взгляду К. Маркса и Ф. Энгельса на

политическую экономию, считали, что «народнический идеал “всероссийской общины”» был утопическим. Л.Н. Литошенко и Б.Д. Бруцкус отстаивали принципы частной собственности, отрицали как идею, так и практику любой формы «социализации» земли и перехода к коллективному производству. В этом отношении с ними перекликается постсоветская публицистика по проблемам новой аграрной реформы.

Объясняя исторические предпосылки формирования и выживания крестьянских поземельных общин в России вплоть до XX в., либеральные экономисты видели в них препятствие экономическому развитию страны.

В то время как большинство ученых уделяли особое значение проблеме крестьянского «малоземелья», либеральные экономисты прослеживали причинно-следственную связь между общинной формой землепользования и перенаселением в сельской местности. Заметный прирост населения наблюдался в районах России, где активно происходило перераспределение общинных земель. Так, Л.Н. Литошенко видел причину перенаселенности сельских районов в слаборазвитой национальной экономике и утверждал, что «народническая теория» правильно уловила такой механизм эволюции, назвав его «слепой» народнической эволюцией [2]. Отметим, что Б.Д. Бруцкус, в отличие от Л.Н. Литошенко, считал, что «дело не в нехватке земли, а в избытке труда» [3, с. 17]. По Бруцкусу, «община была опаснейшей миной, таившейся под фундаментом русского народного хозяйства» [4]. В расстройстве деревни, отмирании общинных порядков, переходе к индустриализации и развитию рыночной экономики Бруцкус видел путь преодоления измельчания производства и перенаселенности в сельской местности.

В отечественной историографии исследования по истории коллективных хозяйств представлены работами В.П. Данилова, А.Ф. Чмыги, И.В. Гончаровой, Е.Г. Гимпельсон, Е.В. Диановой и др. Новое направление в историографии отечественной истории — коммунитарное движение — отражено в работах О.М. Семериковой, И.А. Гордеевой, Е.В. Агарина и др.

Сведения о земледельческих трудовых артелях (коллективно-земледельческие хозяйства, образованные в России духоборами, баптистами, адвентистами, евангельскими христианами, новыми израильянами и тому подобными религиозными искателями) встречаются уже в XIII в. [5]. Во второй половине XVIII в. экономисты, агрономы понимали экономическую невыгодность крестьянской общины, в начале XIX в. высказывались против устарелого общинного землепользования, стремясь к рационализации сельского хозяйства [6, с. 16]. Проникновение во второй половине XIX

в. капиталистических отношений в деревню приводило к разложению общины на основе дифференциации крестьянства [7, с. 47].

Распространение разнообразных коммунитарных форм в России во второй половине XIX в. И. Гордеева объясняет рецепцией идей «утопического социализма» в интеллигентской среде и наступлением индустриализма в пореформенную эпоху [6, с. 7].

До революции община, ее политическое и экономическое значение вызвали оживленную полемику среди интеллектуалов, как левых, так и правых. Некоторые определенно высказались в пользу этого института либо рассматривали его как «зародыш» истинного коллективизма, либо, наоборот, как стабилизирующее влияние в деревне. Другие возражали, утверждая, что это был умирающий институт, «пережиток» феодальной эпохи и инструмент царского правительства для подавления крестьян, или логово революции [8, с. 43].

Община как крестьянский институт, о чем свидетельствует ее бурное возрождение после революции 1917 г., представляла серьезное препятствие для попыток большевиков завоевать поддержку крестьянства и проникнуть в деревню.

С. Маслов, видный представитель народнической школы в эмиграции, указывал на тот факт, что первые признаки коллективного движения появились в 1917 г., что в корне подрывает распространенное убеждение в том, что политика советской власти являлась единственным фактором создания сельскохозяйственного движения. В 1920-е гг. С. Маслов отмечал, что коллективное движение непопулярно в России, «его не знают, им не интересуются, как правило, его игнорируют» [5, с. 197]. Непопулярность и игнорирование коллективного движения в России С. Маслов связывал с политикой советской власти как временной и подлежащей неизбежному и скорому исчезновению.

Большинство исследований по истории возникновения и развития сельскохозяйственных коммун проводилось в масштабах России / СССР или европейской части страны. Между тем, в Сибири иными были и климатические условия, и политическая динамика событий, что задает своеобразие экономическим и социальным процессам [9].

Специально данной проблеме посвящены монографии В.В. Гришаева, которые изданы в СССР, КНР и других странах. Уникальным источником являются воспоминания коммунаров: монография А. Топорова «Крестьяне о писателях», «Первая борозда» (сборник воспоминаний коммунаров), автобиографичные произведения писателя А.Т. Черкасова, краеведа И.М. Попова, детство которых прошло в первых сельскохозяйственных коммунах. Вопросы создания и развития сельскохозяйственных коммун в сибирской де-

ревне с 20-х гг. XX в. анализировались в работах А.Е. Калюга, Г.А. Цыкунова, Е.В. Демчик, А.Е. Савицкой, В.И. Шишкина и др. Данная проблема представляется по-прежнему научно значимой.

В исследованиях зарубежных авторов традиционная крестьянская коммуна («мир» / община) представлена как основная единица экономической и политической организации для подавляющего большинства крестьянских домохозяйств в России до и после эмансипации, вплоть до коллективизации. Община дореформенного периода определяется как самоуправляющийся коллектив, характеризующийся разнообразными организационно-правовыми отношениями и формами землепользования [8, с. 40].

Содержание статей ряда зарубежных авторов наполнено стереотипами о русском коллективизме, формирование которого происходило под влиянием крестьянской общины [10], конкретных географических, исторических и экономических условий [11].

Иностранцы специалисты подвергали критику отечественных ученых за произвольное и противоречивое представление крестьян в русской аграрной литературе [12, с. 21]. В свою очередь, в зарубежной литературе манипулирование необъективными, недостоверными фактами позволяло ученым легитимировать их идеологически мотивированные описания русских крестьян настолько эффективно, что они не подвергались сомнению в течение многих десятилетий. Имелись нарекания относительно «фрагментарной и неполной статистики» коллективных хозяйств (коммун) [13].

По D.J. Male, структурно-поведенческие модели, существовавшие в общине, не способствовали введению коммунитарных практик [11, с. 53].

Среди зарубежных ученых, внесших вклад в понимание российских исторических событий 20-х гг. XX в., которые привели к решению обратить русского крестьянина в «вынужденного коллективиста», можно назвать D. Durand, R. Pipes, R. Stites, A. Willimott, R. Wesson, M. Lewin, D.J. Male, G. Gorer, J. Rickman, Shuichi Kojima и др.

Shuichi Kojima в рамках теоретических подходов «*a life course approach*» (перспектива жизненного пути) и «*family adaptive strategies approach*» (адаптивные стратегии семьи) проанализировал взаимосвязь между изменениями «жизненного пути» индивидуального крестьянского домохозяйства и экономическими механизмами коллективного ведения хозяйствования [2]. Следует отметить, что начиная с исследования А.В. Чайнова (1925), жизненные стратегии крестьянских домохозяйств занимали видное место в теориях, касающихся экономических изменений в сельском хозяйстве.

Акцентируя внимание на истоках коллекти-

вистского подхода к «аграрному вопросу» в марксистско-ленинской мысли и ранней советской практике, зарубежные ученые рассматривают опыт формирования социалистической модели аграрного развития и его последствия [14]. Основанная на докторской диссертации монография современного английского исследователя Э. Уиллимота «*Living the Revolution: Urban Communes and Soviet Socialism 1917–1932*» — первая всесторонняя работа о феномене городских коммун в ранней советской России. Э. Уиллимот обращает внимание на то, что идеи коллективизма оказали значительное влияние на большевиков и их политические воззрения, однако к крестьянской общине их отношение было «прохладным» [15].

S. Resnick и Richard D.Wolf утверждают, что коммунистические коммуны не имели поддержки советского государства и оказались в маргинальном положении [16, с. 142]. Феномен коммуны редко привлекал внимание высших эшелонов руководства коммунистической партии и никогда не был полностью поддержан партией [15, с. 12].

История аграрного вопроса советского периода, по мнению отечественных и зарубежных исследователей, остается идеологизированной [9]. Традиционно в российских исследованиях подчеркивается тоталитарный и принудительный характер советского государства и практически не освещается вопрос идентификации с революционными целями или человеческим потенциалом в период централизованного режима [17, с. 7]. Как отмечает Хэндлер, дискурс социологов и идеологов не только зависит, но «подпитывается» друг от друга [18, с. 9].

Отечественные и зарубежные исследователи характеризуют эпоху 20-х гг. XX в. как «благоприятствующую утопии», время, полное обещаний и угроз [19].

Таким образом, проблематика колхозного движения в 20-е гг. XX в. — одна из наиболее разработанных в отечественной и зарубежной историографии. Мы ограничимся обзором процесса функционирования коллективных хозяйств в Приенисейском регионе в 1920-е гг.

Зарождение сельскохозяйственных коммун как в России, так и в приенисейской деревне явилось следствием разорения единоличного крестьянского хозяйства, снижения темпов сельскохозяйственного производства, политики большевиков, которые реализовывали, казалось бы, утопическую идею «организовать сибирскую деревню, приблизительно состоящую из 100–150 домохозяев, в сельскохозяйственную коммуну» [20]. Они, как и французский философ Ш. Фурье считали: «...Не правительство, а коммуна создает богатство, — вот почему главное внимание социальных реформаторов должно быть обращено на коммуну» [21, с. 8].

В Сибири имели место примеры создания трудовых коммун дореволюционного периода. Первые трудовые коммуны уходят корнями в 1890-е гг. Среди них коммуны политических ссыльных (с. Иудино Минусинского уезда, Артюховская коммуна Кузнецкого уезда и др.), которые носили или политический, или религиозный характер.

С приходом советской власти появились коммуны, состоящие из пролетариата городов и фабрично-заводских поселков.

В 1920–1921 гг. сельскохозяйственные коммуны сыграли идеологическую и экономическую роль в условиях голода и разрухи, оставшихся в наследство после войн и революции. Нищета и духовный подъем — так их можно охарактеризовать. Существовал ряд коммун, за которыми можно было усмотреть «переселенческое» прошлое, для которых организация коммуны — способ получения участка и помощи государства [22].

Исследователи В.В. Гришаев, М.Д. Северьянов [23] и др. считают, что в основе организации сельскохозяйственных коммун лежали преимущественно экономические и политические стимулы. По их мнению, для единоличников в начале 20-х гг. XX в. было невозможно хозяйствовать при необеспеченности скотом и инвентарем; у части середняков и зажиточных крестьян были материальные стимулы — желание освободиться от государственных обязанностей, в период посевных кампаний — получить семена, орудия и средства производства. Беднота вступала в колхозы лишь с целью обеспечить себя хлебом. Однако в источниках упоминается, что в коммуны объединялось даже кулачество, желая замаскировать свою классовую природу.

Неоднородный характер крестьянства представлял как теоретические, так и практические проблемы для советского режима, первоначальная политика которого была основана на предположении, что крестьян можно легко классифицировать на три категории: бедняк, середняк и кулак. Стоит отметить, что исследователи до сих пор не провели четкой идеологической границы между этими слоями крестьянства.

По мнению О.М. Семериковой, среди непосредственных организаторов коммун идеологические мотивы были доминирующими [24, с. 416]. Коммунары видели себя участниками строительства нового государства, стремились воплотить коллективистские принципы и революционные идеи в повседневную жизнь [17, с. 7]. Процесс организации сельскохозяйственных коммун в 1920–1922 гг. характеризовался «апостольско-бескорыстным» стремлением части крестьян реализовать в коммуне коммунарскую идеологию. В процессе коллективного труда проявились взаимодействие коммунаров, единство их культурно-идейных ин-

тересов; психологическая близость, единение сердец и воля, которые оберегали коммунаров в самое бурное время. Мечты коммунаров о лучшей жизни, равенстве, революционный романтизм отразились и в названии коммун Енисейской губернии: «Смерть собственности», «Путь к социализму» (Ачинский уезд) и др.

В.В. Гришаев, М.Д. Северьянов указывали на опережающий рост коммун в Сибири в 20-е — первую половину 1921 г. по сравнению с другими регионами страны. В Центральной России для организации сельскохозяйственных коммун использовались национализируемые помещичьи хозяйства, которых в Сибири не было. В приенисейской сибирской деревне условием, делавшим образование коммун особенно легким, было обилие своей земли. Почти все коммуны возникли на землях государственного фонда или надельных землях.

Большевики ясно осознавали необходимость разработки аграрной стратегии, основанной на защите интересов крестьян и активной их поддержке. Расширение сети коллективных хозяйств происходило за счет предоставления им денежных и натуральных субсидий, выделения участка земли из государственного фонда и семенных ссуд, первоочередности в землеустройстве и характеризовало стремление части крестьян использовать коллективную форму хозяйствования в целях сохранения собственного имущества [25].

По данным В.И. Шишкина, в Енисейской губернии на март 1920 г. насчитывалась одна коммуна, к концу года их число увеличилось до 38 [26, с. 96].

Следует отметить, что в первой половине 1920-х гг. должного учета коллективов как по Сибири, так и по Енисейской губернии не было. Разные оценки динамики коммун в Сибири обусловлены некачественной статистикой тех лет. Так, например, по данным сельскохозяйственной секции Сибирского земельного управления, в Сибири в 1921 г. насчитывалась 601 коммуна, в 1922 г. — 490 [27, с. 37]. В отчете Сибирского краевого комитета ВКП(б) к II партконференции в 1921 г. было указано 590 коммун, в 1922 г. — 161 коммуна [28].

В период новой экономической политики государство воздействовало на крестьянские объединения через сельскохозяйственный кредит, политику цен, систему налогообложения, свободного выбора форм землепользования, возможности перехода в простейшие формы кооперирования.

С весны 1921 по осень 1923 гг. по Сибирскому краю происходило сокращение количества коммун [27, с. 37], хотя ряд исследователей (Л.И. Боженко, Е.В. Демчик, А.Е. Савицкая и др.) считают, что рост коммун наблюдался в Сибири до 1923 г.

Период с 1923 по 1926 гг. характеризовался спадом колхозного движения, новые коммуны организовывались уже единицами.

Уравнилительный способ распределения доходов и материальных благ, плохая организация труда, отсутствие отбора членов при приеме в коммуны, необходимость прибегать к найму случайных людей вследствие маломощности коммун, природно-климатические условия и другие факторы повлияли на сокращение численности коммун. К 1925 г. безвозмездная помощь государства коммунам фактически прекратилась, кредиты стали труднодоступными для маломощных хозяйств из-за своей краткосрочности, высокого процента. Коммуны вступили в полосу хозрасчетных отношений с государственными и кооперативными организациями.

В 1927–1929 гг. в Приенисейском регионе имела место тенденция к увеличению численности коммун.

На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. был взят курс на коллективизацию, увеличение основных капиталов колхозов, удлинение сроков кредитования, расширение льгот по сельскохозяйственному налогу для колхозов, первоочередное проведение землеустройства и оказание колхозам агрономической помощи. В некоторых районах Приенисейского региона игнорировались указания 2-й окружной партийной конференции июньского пленума окружного комитета 1927 г. о направлении кредитов преимущественно в коллективы. Например, в Абанском районе из машинного фонда было выдано колхозам около 46 %, остальная сумма, 54 %, – единоличникам. В Курагинском, Идринском, Ермаковском, Каратузском районах коммуны получили кредиты на большую сумму, чем единоличные хозяйства. На 1 августа 1927 г. в среднем на одну коммуну было отпущено кредитов (долгосрочных и краткосрочных ссуд) на сумму 4 400 р. Помимо общего кредитования, колхозы получили кредиты из бедняцких фондов [29, л. 31]. Зачастую полученные ссуды на кооперирование батраков и бедняков, заемные средства не использовались на рост производства коммун, а расходовались на другие хозяйственные нужды или проедались. Вследствие дефицита собственных средств, недостаточной суммы кредитов коммуны не могли приобрести племенных производителей, построить скотные дворы.

Социальный состав сельскохозяйственных коммун в Приенисейском регионе был бедняцко-средняцким с преобладанием бедноты. Низкий удельный вес середняков не обеспечивал хозяйственного развития коммун. В условиях разрухи народного хозяйства в коммуны вступали рабочие и служащие. Во второй половине 20-х гг. XX в. увеличилась доля середняков в коллективных объединениях.

Известно, что изначально уставы многих коммун предъявляли неприемлемое для середняка требование – безвозвратное вложение значи-

тельной доли имущества при вступлении в коммуну. И часть коммунаров, главным образом бывшие крестьяне-середняки, подавали заявления об уходе из коммуны и требовали возврата своего имущества. После XV съезда ВКП(б) значительная часть коммун изменила эти требования уставов, и безвозвратные взносы стали не превышать 10 % стоимости всего имущества.

В середине 1920-х гг. в коммуны вовлекались бедняки и середняки с целью оказания им материальной помощи, не допускался прием в коммуны зажиточных крестьян. Батрачество в коммуны вовлекалось слабо. В конце 1920-х гг. в составе сибирских коммун батрачество составляло больше 1/3. В этом отношении Сибирь стояла на первом месте во всем Союзе ССР [30].

В Приенисейском регионе в коммунах была высокая текучесть бедняков и батраков. К последним со стороны старых коммунаров было отношение как к лодырям, «голодранцам, ничего не принесшим в хозяйство коммуны, дезорганизовывающим работу коммуны» [31].

Коммуна организовывалась в целях: 1) максимального увеличения производства продуктов питания путем поднятия производительности сельского хозяйства и расширения посевной площади; 2) создания экономических основ для перехода к социалистическому хозяйству в земледелии. Для создания сельскохозяйственной коммуны требовались устав, регламентирующий внутренние правила и коллективные принципы, списки желающих вступить в коммуну с указанием возраста, рода занятий, партийной принадлежности, суммы наличного капитала и суммы непоплаченного долга, имущества членов коммуны, которое в случае выхода из коммуны не подлежало возврату. Уставы коммун демонстрировали стремление к кардинальному переустройству жизни и постановку цели преобразования сельского хозяйства «на социалистических началах».

Совет коммуны занимался организацией и руководством производства.

В коммунах организовывались общества потребителей, которые обеспечивали удовлетворение индивидуальных потребностей членов коммуны. В большинстве коммун около 35–40 % средств шло на детей, стариков, больных (нетрудоспособных) и культурные нужды, и 60–65 % на заработную плату.

В периодической печати 20-х гг. XX в. отмечалось несовершенство организационной структуры сельскохозяйственных коммун. Отсутствие четкого разделения между производственными и потребительскими функциями приводило к тому, что коммуны становились исключительно производственными организациями, а система натуральных отношений порождала иждивенческие настроения.

С целью хозяйственного укрепления коммун особое внимание обращалось на решение таких вопросов, как: 1) текучесть состава вследствие нерационального распределения труда, слабой трудовой дисциплины. Нередко наблюдалось безразличное отношение коммунаров к таким явлениям, как убыточность коммуны, бесхозность в хранении сельскохозяйственных машин и инвентаря, безответственное отношение к работе (например, в коммуне «Коминтерн» Назаровского района Ачинского округа); 2) организационное обслуживание коммун (руководство коммунами и построение организационных планов). Большинство коммун Приенисейского региона в своей деятельности не руководствовались планами, за исключением коммун «Красный меч» Идринского района, «Большевик» Минусинский района. В коммунах «Путь красного пахаря» Каратузского района, «Красный луч» Курагинского района и других не велась отчетность, что приводило к злоупотреблениям со стороны руководителей коммун [29, л. 28].

Во второй половине 20-х гг. XX в. большинство коллективных объединений Приенисейского региона оставалось не землеустроено. В 1927 г. было всего девять землеустроенных коммун (землеустройство которых выразилось лишь в отводе земельных наделов), в некоторых коллективах было введено многополье (коммуна «Красный меч» (Идринский район), «Большевик», «Завет Ленина» (Минусинский район)). Вследствие слабой материально-технической базы коммун пахотные земли использовались только на 9 %. Преобладающее место в структуре посева занимала пшеница, посев технических культур (лен, конопля, табак, подсолнечник) находился в зачаточном состоянии [29, л. 30]. Посевная площадь коммун превышала единоличные хозяйства. Коммуны Курагинского, Идринского, Каратузского районов имели промышленные предприятия (мельницы, кожевенный и кирпичный заводы, столярные и овчинные мастерские).

Специфика сельскохозяйственных коммун заключалась в том, в них обобществлялись не только земля, живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь, но и быт коммунаров. Спорным, на наш взгляд, является утверждение А.П. Смирнова о том, что коммуна как форма коллектива более подходила к хозяйственным условиям крестьян, так как меньше всего нарушала их привычный быт [32, с. 31]. В начале 1920-х гг. широкие крестьянские массы еще не были готовы к ведению хозяйства на коллективных началах. Индивидуальная и коллективная собственность на землю подразумевает совершенно разные социальные психологии. Крестьянину необходимо было научиться понимать интересы коллектива, несмотря на глубокое убеждение Ф. Энгельса в «ан-

тикоколлективном устройстве крестьянского черепа» [33, с. 100], изжить в себе психологию мелкого собственника, вывести из обихода слово «свое» и понять смысл коллективной жизни. Однако инстинкт собственника, воспринятый с детства в качестве «священного права», был настолько характерен для каждого отдельного хозяина, что даже перспектива возможности получения всяких прав от органов власти через коллективные объединения не находила должного отклика в сердцах хозяев — собственников.

В 20-е гг. XX в. существовало два типа сельскохозяйственных коммун: первый характеризовался обобществленным бытом и слабым сельскохозяйственным производством, второй — развитым производством и единоличным бытом. Предлагалось два варианта распределения в коммуны: 1) коммунальное производство, распределение по едокам, но отдельные для каждой семьи жилища и самостоятельно у каждой семьи стол; 2) коммунальное производство, распределение продуктов по труду, внесенному членами, и отдельное для каждой семьи жилище и стол.

На практике во многих коммунах обобществлялась даже одежда и личные вещи. Например, в коммуне «Смерть собственности» Ачинского уезда «тряпки, платья и рубахи — идут в общее пользование, — с гордостью говорили коммунары. А недоразумений не наблюдается среди вас? — Что вы! — удивляются коммунары, — ведь у нас нет проклятой собственности, из-за которой в мире льется кровь и слезы» [34]. При обсуждении вопроса «Нужна ли личная собственность в коммуне?» женщины отвечали так: «Живем без собственности, и мало горя. Забыли про свое, “слепые прозрели” — надоела постоянная склока с соседями из-за “своего”, из-за “собственности”, как гора с плеч скатилась забота метаться между десятками дел, нет уже надобности урвать “побольше”, стало отпадать чувство собственности». Коммунары рассуждали так: «Если допустим в коммуне частную собственность, тогда невозможно будет вести плановую хозяйственную работу», «всякий частник в коммуне о своем имуществе будет заботиться, а об общем — нет» [35].

Распределение доходов в коммунах Приенисейского региона можно разделить на несколько категорий: 1) по потребностям, 2) по внесенному паю членами коммуны, 3) по едокам, 4) по числу работников, 5) по земле и по скоту, 6) не производили дележа дохода, а питались и одевались из общего котла.

В целях повышения трудовой дисциплины, материальной заинтересованности в работе коммуны стали отказываться от уравнилельной системы в распределении доходов и переходить к нормам выработки и сдельщине. Сдельная оплата труда

применялась не во всех коммунах. Так, в коммуне «Коминтерн» Ачинского округа в 1929–1930 гг. коммунары, независимо от квалификации, отношения к труду, получали зарплату, «мужчины – 14 руб., а женщины – 12 руб. в месяц, не включая сюда всех коммунальных услуг» [31, л. 111].

При выполнении одного и того же вида работ труд мужчин оплачивался выше, чем женщин. Причем подобные решения нередко принимались по инициативе самих коммунаров. Они чувствовали свое раскрепощение, «ухитрялись» работать вместе, во благо одного хозяйства, не тянули своих мужиков из коммуны, тем самым предотвращая гибель своего маломощного хозяйства.

На первых порах питание и бытовые услуги были бесплатными. Самой коммуной вырабатывалась потребительская норма, согласно которой продукты каждой семье распределялись по количеству едоков. С переходом к оплате по труду из ежемесячного заработка коммунаров стали отчислять определенную сумму на питание и бытовые услуги. Так, завтрак или ужин для членов коммуны стоил 8 коп., а для деревенских крестьян – 10 коп.; обед из двух блюд для коммунаров – 15 коп., а для крестьян – 25 коп. Если коммунары предпочитали питаться дома, то за наличный расчет приобретали нужные продукты и готовил у себя на квартире [36]. Однако такая организация питания не была характерной для всех коммун.

Не всегда являлась признаком хороших отношений и совместная жизнь в коммунах на принципах семейного кооперирования. Конфликты возникали, как правило, при выполнении хозяйственно-бытовых функций. Например, в коммуне «Коминтерн» Ачинского округа частым явлением была вражда между женщинами, игнорирование вновь прибывших батраков, «ничего не принесших» [31, л. 114]. Однако уже в первые годы жизни в коммунах женщины умерили специфически черты своего нрава – сплетничество, мельчайшие раздоры, споры и прониклись сознанием необходимости уступчивости и дисциплины. Например, в коммуне «Красный Октябрь» коммунары жили дружной сплоченной семьей. «Мы провели в жизнь полный принцип коммуны», – с гордостью говорили они [34].

Отметим то, что в приенисейской деревне в первой половине 1920-х гг. часть крестьян-единоличников была настроена против создания коммун, считая, что коммунальная организация производства приведет к бесхозяйственности и разорению. В крестьянских семьях дискуссии о необходимости вступления в коммуны нередко «заканчивались печально для одной из спорящих сторон... жены угрожали разводом мужьям, мужья угрожали побоями женам» [37].

Крестьяне обращались в Енисейское губер-

ское управление с просьбой о выделении в уезды инструкторов с целью разъяснения «сущности коммунарного устройства». Уездные земельные отделы зачастую не имели четкого представления о том, что «делать с поступившими ходатайствами от крестьян-единоличников с просьбой организации коммуны и как начать», выносили постановления о «не препятствии возникновению коммун и оказанию им содействия» [20].

Из основных причин нежелания крестьян создавать коммуны были низкий культурный уровень крестьянства, стремление жить своим отдельным хозяйством. Однако сама жизнь подсказывала коммунарам, что только коллективными усилиями они смогут улучшить свое экономическое положение, изменить культуру быта крестьянского хозяйства.

Одним из важнейших показателей культуры быта крестьянского хозяйства являлось его жилищное устройство.

Из-за ограниченности материальных средств на первых порах коммунары жили в тех же домах, которые у них имелись. Коммуны, став более крепкими, строили новые дома, в которых каждая семья коммунара имела отдельную комнату или даже квартиру (например, в коммуне «Красный меч» Минусинского уезда).

В 1929 г. в некоторых коммунах Приенисейского региона не был решен жилищный вопрос. Архивные материалы, например, так описывают жилищные коммунары в коммуне «Коминтерн» в 1929–1930-х гг.: «особенно неприглядная картина холостяков, помещение, где они живут, имеет вид прокопченной бани... комнаты не только не имеют уюта, а дышат отвращением... Домики, где живут семейные... переполнены, но там имеется некоторый уют, и походят сравнительно на жилые, хотя без удобств... большая сырость, в комнате площадью 6 кв. метров живут по 10–12 человек, но имеются комнаты, где на такой же площади живут 4 человека» [31, л. 114]. Вследствие жилищного кризиса многие коммуны не могли дальше расти, им приходилось отказывать новым членам. Кредитование коммун на жилищное строительство не отвечало их потребностям.

В коммунах осуществлялась культурно-воспитательная работа. Организовывались ясли и детские сады, школы (например, в коммунах «Коминтерн», «Красный луч», «Красный Октябрь»), библиотеки (коммуны «Красный меч», «Красный луч»), школы политграмоты (коммуна «Красный луч»), интернат для беспризорников, в который принимались дети из семей крестьян-бедняков (коммуна «Красный луч»). Внимание уделялось организации комсомольских и партийных ячеек при сельскохозяйственных коммунах. В области работы среди молодежи ставились задачи ликви-

дации неграмотности, организации совместной работы ВЛКСМ и пионеров, кооперирования молодежи, участия комсомольцев и коммунистов в колхозном строительстве. За дисциплинарные проступки комсомольцы строго наказывались, вплоть до исключения из комсомола. Возник новый вид партийного взыскания — предложение вступить в коммуны. За отказ от вступления в колхозы по деревенским ячейкам Красноярского округа было исключено 8,5 % от общей численности коммунистов [38].

На комсомольских и общих собраниях женщины-коммунарки обсуждали вопросы о постановке спектаклей, проведении трехдневника «Матимлада», лекций, например, на тему «Крестьянка в браке и семье в настоящее время» и т. п.

Партийные органы призывали комсомольские и партийные ячейки изменить формы партработы в деревне: «бросить культурку» (увлечение спектаклями), поставить культработу таким образом, чтобы она удовлетворяла запросы крестьян. Предлагалось несколько видов партийно-воспитательной работы для деревенских ячеек: 1) кружки политграмотности, 2) школы-передвижки, 3) самообразование, 4) партдень (вид партпросвещения). Помощь со стороны партийных и комсомольских ячеек в руководстве хозяйственной дея-

тельностью коммун, в вопросах улучшения быта и воспитания детей практически отсутствовала.

В 1920-е гг. произошел разрыв с прежним бытовым укладом, создавалась новая модель, соответствующая идеалу коммунального устройства быта, к которому стремились коммунары. Однако полное обобществление труда и быта было направлено на искоренение семьи как традиционной основы частной собственности и на организацию новых форм общежития, заменивших семейные функции.

Отсутствие опыта организации коллективного труда, преобладание уравнилельной системы в оплате труда, натуральные формы производственно-бытовых отношений приводили как к сокращению коммун, так и к их распаду.

Во второй половине 20-х гг. XX в. в экономическом отношении большинство коммун Приенисейского региона оставались потребительскими и не внесли значительного вклада в развитие сельского хозяйства, скорее всего, «служили для своих членов средством выживания, а не реализации социалистических идеалов» [39]. Коммуны не оправдали себя в годы нэпа, как ранее они не оправдали себя в годы «военного коммунизма» [40, с. 52]. Коммуна как социальный институт не смогла прижиться в российской деревне [41, с. 271].

Литература

1. Shuichi K. Neo-Narodniks' View of the Russian Agricultural Development // Acta Slavica Iaponica, 1988. № 6. P.16–26.
2. Shuichi K. Russian Liberal Visions of Agricultural Development at the Beginning of the Twentieth Century – Litoshenko and Brutzkus. *Economia*, 2014. № 4–1. P. 55–76.
3. Никулин А.М., Троцук И.В., Куракин А.А. Аграрный либерализм в России: история и современность. М., 2014. 56 с.
4. Бруцкус Б.Д. О природе русского аграрного кризиса (1925). Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Париж, 1988. С. 121–124.
5. Маслов С. Коллективно-земледельческое движение в современной России // Современные записки. 1922. Кн. 10. С. 195–233.
6. Дюран Д. Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России [Предисловие Гордеевой И.А. «Общинный миф и общинный эксперимент в истории России XIX–XX вв.»] СПб., 2010. С. 7–74.
7. Муравьева Л.А. Российская финансово-экономическая мысль в конце XIX века // Международный бухгалтерский учет. 2017. Т. 20, Вып. 1. С. 47–60.
8. Judith Pallot V.A. The Geography of Enclosure in Pre-Revolutionary European Russia-Tver, Tula and Samara Provinces [Электронный ресурс] // URL. <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1349437/1/468062.pdf> (дата обращения: 25.01.2020).
9. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2013. 244 с.
10. Sheila M. Puffer, Victor Levintan, Christa L. Walck and Max Waterman Understanding the Bear: A Portrait of Russian Business Leaders [and Executive Commentary] *The Academy of Management Executive* (1993–2005) Vol. 8, № 1 (Feb., 1994). P. 41–61.
11. Male D.J. Russian peasant organization before collectivisation. Cambridge: Cambridge University Press. 1971. 253 p.
12. Lewin M. Russian peasants and Soviet power. London: George Allen and Unwin Ltd. 1968. 539 p.
13. Wesson R. Soviet Communes . New Jersey: Rutgers University Press, 1963. 275 p.
14. Selden M. The Crisis of Collectivization: Socialist Development and the Peasantry. *IDS Bulletin* 13 (4). 2009. P. 4–11.
15. Willimott A. Living the revolution. Urban communes & soviet socialism, 1917–1932. Oxford: Oxford University Press, 2017. 203 p.
16. Class Theory and History: Capitalism and Communism in the USSR, by Stephen Resnick and Richard D.Wolf. New York and London. Routledge, 2002. 353 p.
17. Willimott A. Everyday revolution: the making of the Soviet Urban commune. In: Lindenmeyer, A., Waldron, P. and Read, C. (eds.) Book 2: Russia's Home Front, 1914–1922: The Experience of War and Revolution. Russia's Great War & Revolution Series. Slavica Press, 2016. P. 431–454.

18. Handler R. Nationalism and the politics of culture in Quebec. Madison: University of Wisconsin Press. 1988. 217 p.
19. Russian Political Economy from Utopia to Social Engineering: An Introduction Amanar Akhabbar, François Allisson (2014) [Электронный ресурс]: URL. <https://journals.openedition.org/oeconomia/806> (дата обращения: 10.02.2020).
20. Земельное управление 1917–1925 гг. // ГАКК (Гос. арх. Красноярского края). ФР. 850. Оп. 1. Д. 57. Л. 30.
21. Туган-Барановский М.И. В поисках нового мира. Социальные общины нашего времени. 2-е изд. М., 1919. 128 с.
22. Жизнь крестьянской Сибири. 1920. 25 нояб. С. 10.
23. Северьянов М.Д. НЭП и современность: полемические заметки. Красноярск: Изд-во Крас. ун-та. 1991. 318 с.
24. Семерикова О.М. Женщины-крестьянки в сельскохозяйственных трудовых коммунах Советской России в 1917 – начале 1930-х гг. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 412–430.
25. Отчет Наркомзема XII Всероссийскому съезду Советов за 1923–1924 гг. М., 1925. С. 78.
26. Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.): моногр. Новосибирск, 1985. 319 с.
27. Гришаев В.В. Коммунары Сибири. Красноярск, 1987. 166 с.
28. Воронов К.А. Проблемы кооперативного движения в Сибири // Вестн. сибирской сельхозкооперации. 1925. № 6. С. 14.
29. Отчеты Минусинского окружкома ВКП (б) // ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 317. Л. 31.
30. Каврайский В., Нусинов И. Классы и классовые отношения в современной советской деревне. Новосибирск, 1929. С. 157–161.
31. Отчеты Ачинского окружкома ВКП (б) // ГАКК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 628. Л. 106.
32. Смирнов А.П. Наши основные задачи по поднятию и организации крестьянского хозяйства. М., 1925. 71 с.
33. Ярославский Е. Зародыши коммунизма в сибирской деревне – огни Сибири // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 100–104.
34. Серов А. По коммунам Енисейской губернии // Советская Сибирь. 1924. 11 сент.
35. К IV краевой партконференции. Коммунары о тезисах т. Эйхе // Советская Сибирь. 1929. 24 февр.
36. Два примера организации быта в коммунах // Советская Сибирь. 1929. 24 сент.
37. На ленинском пути. 1928. № 2. С. 14.
38. Отчеты Красноярского окружкома ВКП (б) // ГАКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 489. Л. 2.
39. Есикова М.М. Невостребованная агроэкономическая наука: взгляды Л.Н. Литошенко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: сб. ст. Тамбов, 2011. № 1 (7). С. 104–107.
40. Каминский Ф.А. Опыт создания и развития коллективных форм ведения хозяйства в казачьих районах Южного Урала и Западной Сибири в первые годы нэпа // Вестн. ЮУрГУ. 2005. № 7 (47). 2005. С. 52–55.
41. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.